

Автомобиль подъехал к аэровокзалу. После того как они вышли, сотрудники всё ещё что-то объясняли Тан Юе.

Тан Юе держал за руку Тан Мян. Его лицо было бесстрастным, даже немного холодным, и в нём чувствовалась глубокая отстранённость, совершенно не сочетающаяся с его небрежной повседневной одеждой. Но рядом был малыш — маленький, улыбочивый, и именно эта детская радость смягчала ледяную оболочку Тан Юя.

Зрители прямого эфира никак не могли свыкнуться с мыслью, что Тан Юй уже отец, но ребёнок перед ними был самым живым доказательством.

В тот момент на всех других платформах бурно обсуждали новое реалити-шоу «Путешествие с малышом среди гор и морей».

Три самых популярных поста в топе просто источали ярость и отчаяние:

— «Кто же это спал с нашим младшим братцем и бросил его с ребёнком?!»

— «Разбираемся: все женщины, с которыми Ауэй встречался последние три года!»

— «Мне всё равно! Лучше пусть ребёнок родился у самого Тан Юя, чем признавать, что мой мальчик стал отцом... Бу-бу-бу!»

Каждое слово этих постов будто сочилось слезами, и писали их так умело, что даже фанаты других групп чувствовали себя задетыми до глубины души.

А сам герой всего этого ажиотажа в это время злился из-за внезапного уведомления от продюсеров шоу.

Тан Юй знал, что придётся выплатить неустойку, но для него деньги никогда не были главной целью — он согласился лишь потому, что именно Люй И предложил ему эту идею.

Он считал, что умело избежал рокового временного узла, и теперь, разумеется, главные герои романа точно должны были обрести счастливый конец.

Хотя он и не получил той любви, о которой мечтал, зато обрёл кровного родственника — сына.

Если бы не Люй И, Тан Юй тогда и представить не мог, как ему вообще рожать ребёнка.

Люй И прекрасно понимал, что Тан Юй всё ещё хочет вернуться на сцену, поэтому и предложил ему этот формат — мягко, ненавязчиво вновь привыкнуть к камере.

Но стоило Тан Юю подумать, что ему придётся полмесяца провести в путешествии с незнакомцами, как желание участвовать сразу испарилось.

Сколько бы лет ни прошло, его сущностная замкнутость ни на йоту не изменилась.

Возможно, дело в том, что в своём прежнем мире он привык быть одному, привык к насмешкам и унижениям — и после переноса в книжный мир оказался в глубоком внутреннем противоречии.

Он страдал социофобией, но обожал шум и веселье; любил уединение, но с удовольствием наблюдал за чужой суетой.

Боялся новых людей, но обожал выступать на сцене, обожал видеть море светящихся фонариков с надписью «Ауэй».

Сейчас он невольно нахмурился, и в кадре его черты лица вдруг из юношеских превратились во взрослые — но всё так же манили взгляд.

Тан Юй поднял глаза:

— Если уж не я и не Сяо Мянью участвуем, то мне, наверное, и возвращаться домой нет особой проблемы?

Прямой эфир всё ещё шёл, но большинство зрителей не восприняли это как каприз звезды.

Шоу на девяносто процентов ориентировано на фанатов, а случайные зрители, хоть и не в курсе ситуации, всё равно, как и остальные, невольно замирали, глядя на лицо Тан Юя.

«Как же он мил, даже когда злится!»

«Когда он только дебютировал, мне хотелось его расцеловать до смерти! Чёрт возьми, теперь он уже папаша, а всё ещё без этой жирной “папиковой” ауры! Я по-прежнему без ума от него!»

«Это же знаменитая хмурость и поднятый подбородок! Такой гордый котёнок! Ахаха, умираю от очарования!»

«Он до сих пор такой недоступный... Неужели за все эти годы у него так и не появилось ни одного друга?»

«Для Тан Юя это нормально. Он как дорогая, но дикая кошка — выглядит благородно, а внутри — холодный и неприручаемый.»

«Фанаты Ауэй всё так же умеют говорить! Узнаю старые добрые чувства! Бу-бу!»

Сотрудник запнулся:

— Э-э...

Они уже стояли в аэропорту — ситуация становилась крайне неловкой.

Продюсер уже собирался позвонить руководству, как вдруг Тан Мянью потянул Тан Юя за рукав.

— Папа, — произнёс он с детской интонацией, — а я ведь ещё ни разу не летал на самолёте!

Ребёнок был необычайно мил: даже те, кто обычно не любит детей, не могли устоять перед его пышными ресницами, которые трепетали при каждом моргании.

«Почему его зовут Сяо Мянью?! Это же так мило!»

«Тан Юй всегда давал странные имена... Жена не возражала?»

«Надеюсь, в этом шоу наконец раскроют, кто же та женщина, которая “украла” Тан Юя! Она реально крутая!»

«Я всё ещё не могу поверить... Он ведь такой молодой... Как мне с этим смириться?»

«У этого ребёнка глаза точь-в-точь как у Цзян Шулу! Может, у Цзян есть сестра или двоюродная сестра? Сильно подозреваю, что мать из семьи Цзян!»

«Но тогда почему Цзян Шулу тоже пропал из жизни Тан Юя?»

Тан Юй начал:

— В следующий раз...

— А какой именно “следующий раз”? — перебил его Тан Мянью. — Назови год, месяц, день и даже час!

Он крепко держал папу за руку, и в его голосе звенела такая искренняя надежда, что её не нужно было расшифровывать:

— Сяо Юй, давай полетим! Ты же обещал — будут горы, море и корабли!

«О боже, он называет отца по имени?!»

«Два милых комочка!»

Тан Юй взглянул на сотрудников, потом на окружающих — и всё же согласился.

Но всё же попытался уточнить:

— Мне ведь не придётся жить вместе с другими участниками?

— Посмотрим по обстоятельствам, — ответил сотрудник. — Мы можем скорректировать расстановку.

Тан Юй немного успокоился.

Пока он шёл вперёд, Тан Мян тайком показал сотруднику знак «V».

Тан Юй этого не заметил, но зрители в прямом эфире всё увидели.

«У малыша два лица!»

«Ахаха, это что, папин обманщик?!»

Тан Юй много лет не выходил в свет. Возможно, он слишком привык к холодному уединению своего прежнего мира — сейчас он почти не чувствовал дискомфорта.

Но едва они вошли в зал аэровокзала, как шум объявления, гул толпы — всё это сразу пробудило воспоминания о тех трёх годах, когда он со своими коллегами постоянно летал по всему миру.

Правда, этот аэровокзал был совсем новым — запустили его лишь в начале прошлого года, и Тан Юй здесь раньше не бывал.

По пути в VIP-зал ожидания вокруг них уже собралась толпа фанатов, услышавших о появлении кумира.

Как и раньше, впереди шли охранники.

Рядом с ними толпились как давние поклонники, так и новички — все взволнованно выкрикивали имя Тан Юя.

Тан Юй молча опустил голову, а вот Тан Мянью с любопытством оглядывался по сторонам и заметил баннеры и светящиеся фонарики.

— Папа, они зовут тебя! — сказал он.

Тан Юй лишь кивнул.

Раньше в такие моменты рядом всегда был Яо-гэ. Сань-гэ раздавал автографы, Эр-гэ болтал с фанатами...

А капитан...

Капитан только говорил мне: «Перестань ты листать телефон!»

Интересно, как он сейчас живёт...

Тан Юй почти полностью оборвал связи с внешним миром и нарочно не смотрел новости. В душе он давно принял как данность, что Цзян Шулу и Люй Сичао вместе.

Он пытался бороться, но судьба оказалась неизменной, а увиденные им факты — неопровержимыми.

Ведь те двое тогда просто тайно встречались.

Люй-гэ такой добрый и мягкий — наверняка у них всё прекрасно складывается до сих пор.

Наверное, уже официально объявили о своих отношениях?

Тан Юй понимал: даже если история плохо завершена, за пределами текста у неё всё равно есть финал.

Но почему-то он чувствовал себя мерзко и низко — ему совсем не хотелось их благословлять.

Ещё сильнее он презирал самого себя, будто совершил грех «оставить ребёнка, избавившись от отца».

— Мистер Тан, сюда, пожалуйста, — позвал сотрудник.

Тан Юй с сыном вошли в VIP-зал.

В это время Яо Лисинь всё ещё болтал с Цзян Шулу.

Он всегда был разговорчив, и за это короткое ожидание уже успел рассказать обо всём, чего ждёт от шоу, и принялся расспрашивать Цзян Шулу о его семье.

Зрители в чате шутили, что он будто проверяет паспортные данные.

Цзян Шулу отвечал выборочно — и вдруг насторожился, услышав вопрос: «Говорят, ты недавно ходил на свидание вслепую?»

В этот самый момент у двери возникло движение.

Сначала в зал вошёл оператор с камерой, а следом — высокая, худощавая фигура в синей толстовке. Силуэт был одновременно чужим и до боли знакомым — Цзян Шулу невольно вскочил на ноги.

Яо Лисинь вздрогнул и тоже повернулся туда, куда смотрел Цзян.

У входа стоял молодой человек, держащий за руку ребёнка. Его□□ была по-прежнему спокойной и сдержанной, а вот малыш выглядел оживлённым, с интересом оглядываясь вокруг.

За стеклянной дверью толпились фанаты, их крики едва заглушались стенами — казалось, будто снова наступили те золотые времена, когда звезда сиял в море поклонников.

Но для Цзян Шулу весь мир вдруг стал беззвучным.

Потому что Тан Юй поднял глаза — и посмотрел прямо на него.

— Оба участника этого путешествия уже здесь, — сообщил сотрудник.

Тан Юй всё ещё был недоволен. Он машинально поднял взгляд — и вдруг, сквозь пять-шесть метров, точно увидел человека, сидящего в углу.

Один стоял, другой сидел.

Оба будто остались прежними — и в то же время изменились до неузнаваемости.

Тан Юй замер.

Цзян Шулу тоже замер.

Только Яо Лисинь решительно шагнул вперёд и, поражённо глядя на ребёнка в руке Тан Юя, воскликнул:

— Так это правда твой сын?!

Он наклонился, чтобы оказаться на одном уровне с малышом:

— Привет, малыш! Я его старший брат. Как ты должен меня называть?

«Спасите! Эта сцена... Неужели монтажёры специально добавили фоновую музыку?!»

«И ещё крупный план! Тан Юй, почему у тебя глаза красные?! Ты же заставляешь нас думать всякое!»

«Яо Лисинь, не пользуйся моментом!»

«Посмотрите на руку Цзян Шулу! Она дрожит?! Я не ошибаюсь?! Это же наш самый невозмутимый капитан!»

«Чувствуется атмосфера типичного “бегства с ребёнком”...»

«Тан Юй, ты серьёзно сделал полшага назад?!»

Тан Мян уже собирался что-то сказать, но в следующее мгновение Тан Юй резко подхватил его на руки и развернулся, чтобы уйти.

— А?! — растерялся Яо Лисинь. — Что происходит?

Сотрудники тоже остолбенели, но Цзян Шулу первым бросился вслед.

Тан Мян не сопротивлялся, лишь прижался к уху отца и тихо спросил:

— Папа, с тобой всё в порядке?

Тан Юй плотно сжал губы — как объяснить?

Например:

«Тот мужчина внутри — твоя мама, о которой ты так долго мечтал.

Твоя мама жива, просто она — мужчина. И тебя родил я — от этого мужчины».

Но это звучало слишком противоестественно.

Прошло уже восемь лет с тех пор, как он попал в этот мир, и Тан Юй считал, что полностью адаптировался. Однако существование Тан Мянэ постоянно напоминало ему: «Ты не отсюда».

Ведь в этом мире мужчины не могут рожать.

Никогда! Ни за что на свете нельзя раскрывать эту тайну.

Это секрет, который он готов унести в могилу.

Раньше, ещё в группе, Тан Юй и так был слаб в физической подготовке — после усиленных тренировок падал с ног, а после концерта мог несколько дней не вставать с постели.

А теперь, после стольких лет уединения, он лишь изредка разминал голосовые связки. Кроме лёгких, в нём больше ничего хорошего не осталось.

Как ему тягаться с Цзян Шулу, который с годами стал только сильнее и увереннее?

Фанаты за ограждением наблюдали, как высокий, статный мужчина догоняет Тан Юя, который бежит, прижимая к себе ребёнка. Многие не выдержали и закричали от восторга.

Тан Юю уже за двадцать, но в нём всё ещё живёт та самая чистая, прозрачная юношеская красота.

Цзян Шулу легко настиг его, схватил за плечо — и перед Тан Юем оказалось то самое знакомое, но уже чужое лицо, такое красивое, что захватывает дух.

— Сяо Юй, — тихо окликнул он.

Лёгкая морщинка между бровями, будто он внимательно, всматриваясь, пересматривал Тан Юя заново.

Увидев, как тот тяжело дышит, вся досада Цзян Шулу от того, что его увидели — и сразу

побежали — мгновенно рассеялась.

Он с лёгким вздохом произнёс:

— Ты, кажется, совсем перестал заниматься спортом?

И протянул руки к ребёнку:

— Дай я понесу малыша.

Но Тан Юй мгновенно отступил на полшага, явно насторожившись:

— Нет!

Его реакция создала у Цзян Шулу ощущение, будто он собирается отнять у него ребёнка.

Мужчина вздохнул, но в уголках губ мелькнула улыбка — как будто Тан Юй снова его рассмешил.

— Хорошо.

Он перевёл взгляд на Тан Мян:

— А ты, малыш, хочешь, чтобы дядя тебя понёс? Твой папа уже задыхается.

Это был первый раз, когда Тан Мян увидел Цзян Шулу.

Операторы тут же засняли этот момент — два лица в одном кадре.

Любой, увидевший это, не мог не поразиться их сходству.

«Неужели мужское рождение возможно?!»

«У меня в голове только те фанфики про беременность Тан Юя, что я читала в школе... Нет!»

«Как ребёнок может быть так похож и на Тан Юя, и на Цзян Шулу одновременно?!»

Тан Юй уже хотел отказаться, но Тан Мян сам протянул руки Цзян Шулу.

Его детский голосок звучал наивно, но очень мило:

— Дядя, возьми меня на руки.

Тан Юй подумал: «Всё, пропало».

Пятнадцать дней путешествия... Неужели капитан вспомнит, что мы тогда натворили?..

<http://bllate.org/book/16057/1436194>